ЛБ23
703

1623
703

С. С. Дмитриев

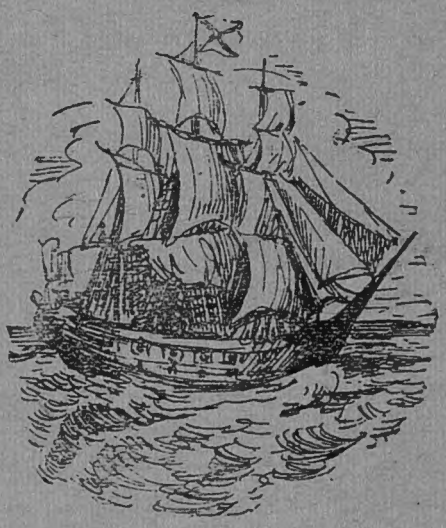
ЧЕСМЕНСКАЯ ПОБЕДА

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1945

23
703

С.С ДМИТРИЕВ

ЧЕСМЕНСКАЯ ПОБЕДА



ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1945

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
814413

1

Причины возникновения войны 1768—1774 годов

25 сентября 1768 года русский посол в Стамбуле (Константинополе)—столице Турции—А. М. Обрезков во время приёма у турецкого великого визиря был неожиданно им арестован. Хотя отношения Турции к России ещё с начала 60-х годов XVIII века становились всё более неприязненными, однако факт ареста русского посла и вместе с ним и всего русского посольства поразил современников своим грубым нарушением общепринятых международных правил. Действия турецкого правительства равносильны были объявлению войны Оттоманской Портой (Турцией). Они открыли собой длительную, почти шестилетнюю войну (1768 — 1774 годы).

Каковы же были обстоятельства, предшествовавшие войне, и причины, вызвавшие её?

Россия издавна стремилась к достижению выхода на Чёрное море, необходимого для экономического и политического развития её. Это являлось одной из основных внешнеполитических задач и Екатерины II.

Война возникла в ходе борьбы европейских стран за сферы влияния на Ближнем Востоке. В конце XVIII века Балканский полуостров, Чёрное и Средиземное моря были главной ареной столкновения интересов европейских держав.

Напряжённые и неудачные войны, которые Франция вела против Англии в течение XVIII века, привели к потере Францией её колоний в Америке и Индии и заставили её недоброжелательно смотреть на стремление России к южным морям,

на Ближний Восток, где Франция намеревалась вознаградить себя за свои потери. В своей политике в Восточной Европе Франция опиралась на Швецию, Польшу и Турцию. Все три страны находились в XVIII веке во враждебных отношениях с Россией, препятствуя возраставшему влиянию её в Европе. Швеция угрожала Петербургу — столице России. Турция запирала России путь через южные моря — Азовское, Чёрное, Мраморное и Эгейское — на Ближний Восток и в Южную Европу. Панско-шляхетская Польша цепко держалась за украинские и белорусские земли. Как противница Франции Англия поддерживала русскую дипломатию в Швеции и Турции. Франция опасалась, как бы русский капитал не проложил себе путь в Средиземное море; такая попытка и была сделана в середине XVIII века при поощрении и содействии царского правительства.

В царствование Елизаветы Петровны была учреждена компания из русских купцов для торговли с Константинополем. Торговые дела компании не ладились, и она через некоторое время прекратила своё существование. Два года спустя, в 1762 году, по инициативе тульских купцов и при поддержке Екатерины II была учреждена новая компания для торговли с Италией через Средиземное море.

В 1764 году появилось первое русское судно на Средиземном море; ранее ни один русский корабль, ни торговый, ни тем более военный, восточнее Кадикса не плавал, о проникновении же в воды Средиземного моря с востока и речи не могло быть, так как в Крыму сидел хан, подвластный султану, а на Азовском и Чёрном морях Турция не желала признать за Россией права держать торговый или военный флот; в Азовском и Чёрном морях Россия могла торговать лишь при посредстве плохоньких турецких судов.

По распоряжению императрицы для вновь организованной компании был построен 36-пушечный фрегат «Надежда благополучия». В августе 1764 года фрегат, доотказа нагружённый русскими товарами — железом, юфтью, парусными полотнами, икрой, воском, канатами, вышел из Кронштадта в далёкое Ливорно. Корабль вёл опытный, боевой капитан 1-го ранга Ф. С. Плещеев.

В ноябре 1764 года фрегат «Надежда благополучия» прибыл в Ливорно. Русские товары нашли покупателей в Тоскане, Венеции и Сардинии. Тот же Плещеев через год привёл назад фрегат, гружённый сандалом, свинцом, макаронами и другими иностранными товарами.

Проникновение русских в Средиземное море, развитие их торговых отношений с южными странами вызвало сильное беспокойство французских негоциантов и дипломатов.

Совместно с Францией действовала против России на Ближнем Востоке и Австрия. Немцы были исконными врагами славян. Во владениях австрийских Габсбургов, на землях лоскутной Австрийской империи, проживало много славян в подчинении у немцев и венгров. Правители Австрии опасались, как бы в случае новых ударов по слабевшей Оттоманской империи славянские народы Балканского полуострова не стали бы при помощи России освобождаться из-под турецкого ига. Австрия сама стремилась к расширению своих владений на Балканском полуострове. Она стремилась к онемечению населения этих земель (славян, валахов, молдаван и др.). Австрийский император Иосиф II писал к прусскому королю о своём намерении «германизировать несколько сот тысяч населения Востока».

Французский дипломат Вержен вёл упорную борьбу против России при турецком дворе. Австрийские послы поддерживали французскую дипломатию. Совместно с Верженом они настраивали турецкий двор недоверчиво и враждебно к России, внушали турецким министрам мысль об опасности для Турции усиления русского влияния в Речи Посполитой (Польше).

Таковы были взаимоотношения России с соседними державами в середине XVIII века.

Крым находился в вассальной зависимости от Турции. С помощью крымских данников Турция держала Россию в отдалении от северных берегов Чёрного моря. Время от времени крымские татары совершали набеги на украинские и русские земли, жгли сёла и деревни, уничтожали посевы и сады, угоняли скот, уводили в полон людей и превращали их в своих рабов.

Плодороднейшие черноземные степи втуне лежали во владениях ногайских татар, которые, опираясь на Крым, препятствовали расширению русского земледелия.

Наметившиеся ко второй половине XVIII века возможности увеличения вывоза земледельческих продуктов усиливали внимание русского правительства к северному Причерноморью. Через южные порты (черноморские) земледельческие товары могли бы гораздо успешнее быть вывозимы в Западную Европу, чем через северные (балтийские).

К середине 60-х годов XVIII века обострился польский вопрос. Польский король Август III умер. Екатерина II воз-

вела на польский престол своего кандидата Станислава Августа Понятовского. В Варшаву вступили русские войска. Польский сейм под давлением русской дипломатии принял закон об уравнении диссидентов [1] в правах с католиками.

Влияние России на дела Речи Посполитой взбудоражили Францию и Австрию. Рассчитывая на помощь Австрии и Франции, недовольные русской политикой польские паны и шляхтичи стали объединяться в антирусские конфедерации (союзы шляхты).

В небольшом пограничном с турецкими владениями местечке Баре в Подолии собралась Барская конфедерация недовольной шляхты. Конфедераты провозгласили борьбу за католическую веру и шляхетскую свободу. Отряды их рассыпались по всей стране, грабя и убивая, не разбирая, кто католик, а кто диссидент. Особая опасность коренилась в распространении ими своих действий в пограничных с Турцией областях. Конфедераты явно надеялись, что им удастся спровоцировать какие-нибудь пограничные столкновения между русскими войсками, преследовавшими отряды конфедератов, и турецкими пограничными властями, с тем чтобы втянуть Турцию в войну с Россией.

Ободрённые действиями конфедератов, шляхетско-католические круги на Украине стали яростнее прежнего преследовать православных украинских крестьян и казаков. Вековая вражда закрепощённых украинских крестьян и казаков к польскому панству вспыхнула с новой силой, стало шириться гайдамацкое движение. Запорожец Железняк с отрядом перешёл за Днепр, поднимая на борьбу крестьян и казаков. К нему присоединились и другие отряды восставших казаков. Один из этих отрядов в поисках врагов направился к пограничному местечку Балте. Речонка Кодыма служила границей, она разделяла местечко на две части: северную (польскую) и южную, принадлежавшую крымскому хану, вассалу Турции. Гайдамаки разгромили Балту.

События в Балте вызвали сильное недовольство Турции. Конфедераты обратились к Порте с просьбой о помощи. 20-тысячный корпус турецких войск придвинут был к границам.

11 июля 1768 года рейс-эффенди [2] предъявил требование об очищении Подолии от русских войск и отводе их от ту-

---

[1] Диссидентами называли в старой Польше православных, большинство которых было из украинцев и белоруссов.

[2] Рейс-эффенди — министр иностранных дел в старой Турции.

рецкой границы. Австрийский и французский послы, непосредственно воздействуя на Турцию, толкали её к объявлению войны России, и, действительно, осенью 1768 года Турция объявила войну России.

В самом начале русско-турецкой войны создан был при русском дворе Государственный совет для обсуждения и согласования всех вопросов, связанных с ведением войны. Членом Государственного совета назначен был наряду с другими лицами граф Григорий Орлов, ведавший в то время «Канцелярией опекунства иностранных». В обязанность опекунства входило привлечение в Россию переселенцев-колонистов из других стран.

4 ноября 1768 года собрались впервые члены Государственного совета. На совещании решено было вести войну наступательную. Заслушано было предложение Григория Орлова «послать в виде вояжа в Средиземное море несколько судов, и оттуда сделать диверсию неприятелю». Предложение было новым и неожиданным. Постановили отложить рассмотрение его до нового обсуждения. Среди правительственных лиц мысль эта встречена была с сомнением и недоверием. Президент Коллегии иностранных дел граф Никита Панин сперва называл восточные планы Григория Орлова «сумасбродными мыслями». Но идея нанести удар по врагу с тыла, с Балканского полуострова или со Средиземного моря, из Архипелага, постепенно овладевала умами.

Через неделю, обсудив предложение Орлова об экспедиции в Средиземное море, Государственный совет решил: направить в Морею, к грекам, к далматам, в Грузию и ко всем православным христианам, живущим во владениях Турции, людей с извещением, что Россия вынуждена воевать с Турцией за закон (т. е. за веру); к черногорцам же обратиться, указав, что если экспедиция в Средиземное море состоится, то она рассчитывает иметь безопасное пристанище в Черногории.

Откуда возникла у Орлова эта смелая мысль об ударе по врагу с глубокого, казалось бы, устойчивого и спокойного для него тыла, мысль об использовании для этого удара единоверных и единоплеменных народов Балканского полуострова?

По своей должности президента «Канцелярии опекунства иностранных» Григорию Орлову приходилось общаться с представителями разных народов, между прочим и с греками, сербами, болгарами, молдаванами. К нему в канцелярию обращались разные предприимчивые люди с проектами

переселений, вызовов и приглашений иноземцев, желающих переселиться в Россию. Особенно заинтересовали Орлова греки и славяне, находившиеся под гнётом Турции и стремившиеся любыми средствами это положение изменить. В своём национально-освободительном движении славянское и греческое население Балканского полуострова возлагало большие надежды на Россию, как на защитницу и по вере и языку.

Политические и культурные связи Черногории, Сербии, Молдавии и Валахии с Россией усилились и окрепли со времён Петра I. В середине XVIII века на южные русские земли переселилось много сербов. Сербы вступали на русскую службу, из их среды выдвинулось много выдающихся деятелей. Передовая русская культура оказывала серьёзную поддержку сербам, болгарам, грекам, молдаванам и валахам. Ещё Пётр I посылал русских учёных людей заводить для сербов сеть школ; направлял сербам сотни русских книг, букварей, грамматик. И позже, в середине XVIII века, посылались к сербам учителя из России. Русские книги, русский язык содействовали и началу болгарского культурно-литературного возрождения в середине XVIII века. В болгарском народе издавна жила вера в «дядо Ивана» (дедушку Ивана), в образе которого народ представлял себе братскую славянскую Россию как свою освободительницу от чужеземного ига. Нередко ходоки от черногорских владык, от митрополитов и общин австрийских сербов, от сербских, болгарских и греческих монастырей, из Молдавии и Валахии приходили в Россию, обращаясь к русскому двору и синоду с просьбами о различной помощи, а то и с пожеланиями перейти под руку и покровительство России.

Царское правительство давно обратило внимание на тяготение балканских народов к родственному им по языку и вере русскому народу и на установившиеся связи между ними. Близкие ко двору граф Григорий Орлов и его братья, в особенности Алексей, хорошо знали об этих связях, сами с начала 60-х годов принимали участие в их развитии. Естественно, что и мысль об экспедиции в Средиземное море и ударе по врагу — Турции — с помощью балканских народов, постоянно восставших против Турции, возникла в семье Орловых. Братья Орловы—Иван, Григорий, Алексей, Фёдор и Владимир Григорьевичи — занимали при русском дворе видное положение. Они принимали непосредственное и деятельное участие в возведении Екатерины II на престол в 1762 году. Патриотически настроенные, предприимчивые

и храбрые, пользовавшиеся популярностью, они, особенно Григорий и Алексей, были людьми, способными не только выдвинуть смелую мысль об Архипелагском походе, но и привести её в исполнение.

Летом 1768 года, когда война с Турцией становилась всё более очевидной, за границу поехал старший брат Григория Орлова Алексей Орлов. Его сопровождали младший брат Фёдор, подполковник Герсдорф и кавалергард Бухгольц. Алексей Орлов поехал в чужие края якобы лечиться минеральными водами. Настоящая же цель поездки была разузнать степень готовности славянских народов к восстанию и предпринять кое-какие меры в тылу Турции на случай войны её с Россией. Эти меры состояли в подготовке славянских народов к выступлению, в налаживании связей для дальнейших действий, в привлечении на службу греческих и далматинских мореходов и корсаров. Крейсерские флотилии, образованные из их судов, должны были служить для уничтожения турецкой торговли и содействия операциям русского флота. Чтобы не вызвать излишней подозрительности, Орловы поехали под вымышленным именем «господ Острововых». Поехали Орловы сначала в Карлсбад, Вену, потом Геную, Пизу и Ливорно.

В конце 1768 года Алексей Орлов подробным письмом извещал Григория Орлова о своих наблюдениях. В нём он писал: «Я здесь нашёл много людей одноверных, которые желают быть под командою нашею и служить в теперешнем случае против турков». Далее он сообщал, что Черногория и окружающие её земли «за оружие принимаются». «А по моему мнению, это другого бы сделать не могло, чтобы внутри зажечь столь сильный огонь и помешательства делать как в привозе провианта, так и армию разделить (т. е. отвлечь силы турецкой армии. — *С. Д.*). И если ехать, так уж ехать до Константинополя, и освободить всех православных и благочестивых из-под ига тяжкого, которое они терпят». «Выступайте с одного конца,— обращался он к Григорию Орлову,— а я бы с другого зачал». Алексей Орлов предлагал свои услуги в качестве руководителя экспедиции в Средиземное море. «А если я назначен буду, то мне иных людей никого не надобно будет, кроме охотников, которые сами пожелают быть и со мною вместе служить отечеству».

В Петербурге между тем от мысли о диверсии в неприятельский тыл стали одновременно переходить к мысли об освобождении христианских народов, проживающих в пре-

делах Порты Оттоманской. В заседании Государственного совета 27 ноября 1768 года вице-президент Военной коллегии граф Захар Чернышёв выступил с предложением о создании греческого легиона, т. е. об учреждении национальных войсковых частей греческого народа для участия в борьбе за освобождение греков и других народов Балканского полуострова из-под ига Турции.

На заседании совета 22 и 26 января 1769 года утверждён был манифест к греческим и славянским народам.

Поднять и организовать большое освободительное движение на Балканах и в Архипелаге в обстановке уже начавшейся войны представлялось делом с военно-стратегической точки зрения весьма выгодным. Главным театром войны являлись Молдавия, Валахия и устье реки Дуная. Для действий в направлении Приазовья и Крыма была выделена особая армия, для поддержки Грузии в борьбе с Турцией — особый корпус.

Архипелагская экспедиция должна была явиться частью общего плана действий России в войне с Турцией. Рассчитывали на то, что удастся организовать и использовать восстание славянских народов против Турции. Восстание, если бы оно удалось, могло бы отвлечь на себя более или менее значительные силы турецкой армии, помешать правильному снабжению турецкой столицы Стамбула с юга, через Эгейское море, оттянуть турецкий флот из Чёрного моря в Средиземное.

Основная задача состояла в том, чтобы объединить разрозненные выступления балканских народов в единую общую борьбу их против Турции. В рескрипте от 29 января 1769 года на имя Алексея Орлова Екатерина II, поручая ему руководство военными действиями на Балканах, писала, что прямой целью действий должно быть нанесение неприятелю «чувствительной диверсии со стороны Греции как на твёрдой земле, так и на островах Архипелага».

В Петербурге пришли к окончательному решению направить русский флот в Средиземное море для борьбы с турецким флотом и содействия повстанцам в их борьбе с турками.

Правительство приняло ряд мер к подготовке предстоящего морского похода, получившего название Архипелагского, заручилось благожелательным отношением к этому вопросу со стороны Англии, порты которой нельзя было миновать, следуя по пути из Балтики в Средиземное море. Летом 1769 года Алексей Орлов получил известие о том, что в его распоряжение направлена эскадра с десантными войсками.

2

Архипелагский поход

Русский военно-морской флот, прославивший себя великими морскими победами при Гангуте и Гренгаме, любимое детище Петра, не пользовался при его ближайших преемниках должной любовью и вниманием. Законодательство, касавшееся жизни и деятельности морского флота, было противоречивым. Средства, отпускавшиеся на строительство морских крепостей, портов, верфей и кораблей, были недостаточны.

Порты и гавани оборудованы были плохо; подолгу стоявшие в бездействии деревянные суда загнивали в пресноватой воде Финского залива.

Отсутствие ответственности, стремление перенести её на плечи безликого «консилиума» (совета с подчинёнными) не могли воспитать волевых и решительных людей среди командиров. Были и в то время во флоте люди энергичные и умные, как адмирал Мордвинов, гидрограф Нагаев, были и люди отважные, храбрые и распорядительные, как прославившийся впервые при осаде Кольберга капитан Спиридов, будущий герой Чесменского боя, но они не были типичными для облика морского командира того времени.

С начала 60-х годов XVIII века русский военно-морской флот начал возрождаться. Екатерина II, придя к власти и начав большую и сложную внешнюю политику, учла значение флота и необходимость оздоровить и укрепить его. Были пересмотрены штаты кораблей, заложены новые большие многопушечные суда. Обращено было внимание на Кронштадтский порт, на завершение строительных работ в Рогервике (Балтийском порту).

В ноябре 1763 года учредили «Морскую российских флотов и адмиралтейского правления комиссию для приведения оной знатной части (т. е. флота.—*С. Д.)* к обороне государства в настоящий постоянный добрый порядок». Комиссии дали обширное право преобразований. Председателем её назначен был адмирал Мордвинов, одним из трёх членов — Спиридов, произведённый за год до того в контр-адмиралы.

Весной 1764 года комиссия совместно с Коллегией иностранных дел порешила завести такой флот на Балтике, который бы по числу линейных кораблей превосходил шведский и датский военные флоты. Комиссия предложила иметь двойной комплект судов: один — рассчитанный для мирного времени (минимум), другой — для военного (максимум).

Принимались все меры к тому, чтобы в короткое время подготовить как можно больше молодых офицеров, практически знакомых с мореплаванием.

Серьёзное внимание обращено было на постановку дела морского образования в стране. Директором Морского кадетского корпуса, учреждённого ещё при Елизавете, был назначен один из просвещённейших русских людей — генерал-интендант флота И. Л. Голенищев-Кутузов. Свыше 2 тысяч русских морских офицеров вышло из его школы, в том числе замечательные русские флотоводцы: адмиралы Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин, М. П. Лазарев и другие.

Для подготовки офицерских кадров флота посылалась молодёжь в Англию для плавания в качестве волонтёров на кораблях английского флота. В числе их находились Крузенштерн, Лисянский и Лазарев.

Оживилась научная и экспедиционная работа. Талантливый русский гидрограф А. И. Нагаев поставлен был во главе всего гидрографического дела. Моряки Креницын и Левашов совершили экспедицию к Алеутским островам и берегам Аляски. Капитан-командор В. Я. Чичагов отправился в экспедицию для открытия, по мысли М. В. Ломоносова, Северного морского пути через Ледовитый океан. Направление фрегата «Надежда благополучия» в Ливорно в 1764 году было важным событием в истории русского флота — первый раз русский корабль поплыл к востоку от Кадикса в Средиземное море.

Возрождавшемуся русскому флоту нужна была помимо достигнутых успехов боевая закалка, военный опыт. Русско-турецкая война 1768—1774 годов и была такой войной, в огне и бурях которой возрождавшийся русский флот окреп, возмужал и закалился. В этом отношении Архипелагский поход сыграл крупную роль в истории военно-морского флота России второй половины XVIII века.

Эскадру из судов Балтийского флота начали готовить к походу в Средиземное море ещё с конца 1768 года. Весной и в начале лета следующего года подготовка шла полным ходом. К июню 1769 года эскадра была готова. Она состояла вначале из 7 кораблей, 1 фрегата, 1 бомбардирского судна, 4 пинков [1] и 2 пакетботов [2].

---

[1] *Пинк* — военно-транспортное судно в Балтийском флоте XVIII века.

[2] *Пакетбот* — лёгкое морское судно для перевозки почты.

Вести эскадру поручено было адмиралу Спиридову.

Григорий Андреевич Спиридов был в почтенных летах, когда принял это поручение: ему шёл 57-й год. За плечами лежал большой и богатый опыт длительной и разнообразной морской службы. Вся жизнь и прошлое его семьи были связаны с военной службой, с морем. Род Спиридовых известен со времён Ивана Грозного. В XVI — XVII веках люди из рода Спиридовых воюют или сидят городовыми дворянами, воеводами в подмосковных городах, служат стряпчими, стольниками.

При Петре I Спиридовы служили во флоте. Майор Андрей Спиридов занимал в то время видный пост коменданта в приморской крепости Выборг. Трое его сыновей были на военной службе, два из них — на военно-морской. Старший, лейтенант Василий Андреевич, погиб в 1720 году. Вторым сыном выборгского коменданта и был герой Чесмы Григорий Андреевич Спиридов, родившийся в 1713 году. Его младший брат Алексей Андреевич служил в армии; во время Семилетней войны в чине генерал-поручика он занимал ответственный пост генерал-кригскомиссара русской армии.

О детстве Григория Спиридова, его образовании и вообще о первой половине его жизни мало что известно. Попал он на службу очень молодым. Десяти лет отец отдал его во флот. С этого времени Спиридов служил во флоте, отдав морю, русскому флоту, его строительству и боевым походам 50 лет жизни.

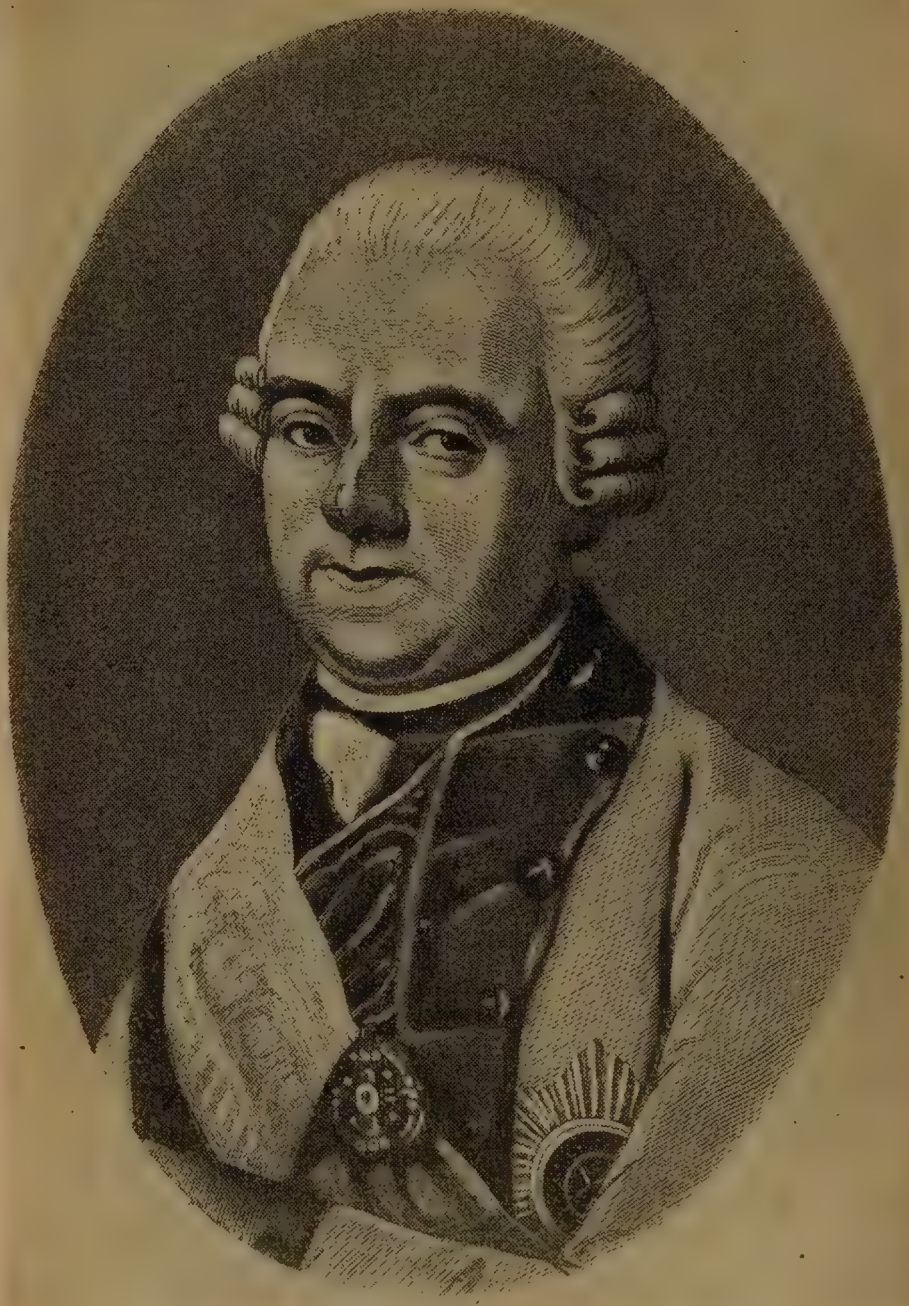
На море сложилась и проходила жизнь Спиридова. Начав волонтёром, он пять лет подряд ежегодно ходил в плавание. Это и были, видимо, «годы учения» Спиридова. Пятнадцати лет от роду Спиридов получил первый чин, чин гардемарина, вступив на действительную службу в 1728 году. Назначили его на Каспийское море. Приходилось плавать от Астрахани до персидских берегов на небольших судёнышках, которыми командовал сам же Спиридов. С Каспия перевели его в Кронштадт. Пришлось побывать и в Архангельске на Белом море. С февраля 1737 года Спиридов — адъютант у вице-адмирала Бредаля, главного начальника Азовской флотилии. Боевая служба Спиридова на морях началась во время войны России с Турцией (1735—1739 годы). Адъютант Спиридов участвовал в крупных военных действиях и проявил себя храбрым офицером.

Кончилась война с Турцией, и Спиридова перебросили опять на север. Он водил из Архангельска в Кронштадт новопостроенные корабли — дело трудное и ответственное. Ка-

чество новых судов, достоинства и недостатки их ещё никем не были опробованы. Вести их приходилось по Белому и Баренцову морям, вокруг Скандинавии, через Северное и Балтийское моря. Не всякий за это дело брался, но Спиридов прекрасно справлялся со взятой на себя тяжёлой обязанностью.

Отличился Спиридов также в Семилетней войне, участвуя в 1760 году в осаде приморской прусской крепости Кольберга. Он командовал в то время флагманским кораблём «Святой Дмитрий Ростовский». Летом следующего года, командуя кораблём «Святой Андрей Первозванный», Спиридов опять руководит боевыми действиями под Кольбергом. В конце августа он высаживает десант «морского войска». Десант сильно помог сухопутным войскам, осаждавшим крепость. Спиридов своей храбростью и распорядительностью был живым примером для солдат и моряков. Пришлось ему побывать в сильном огне. Сообщая в Петербург об итогах десантной операции, адмирал Мордвинов писал, что «неоднократно о храбрых поступках флота капитана Спиридова слышал, в чём и данный ему, Спиридову, от графа Румянцева аттестат засвидетельствует». Спиридову, ставшему контр-адмиралом, пришлось вскоре перейти к другой деятельности: он назначается членом верховной комиссии по преобразованию всего русского флота. Штаты флота, его вооружение, личный состав, морские базы, подготовка пополнений, строительство новых кораблей, упорядочение морской службы — вот круг деятельности Спиридова в середине 60-х годов XVIII века. Но наряду с этой работой он не оставляет и практическую морскую службу: командует Кронштадтской эскадрой, состоит начальником Ревельского, а потом Кронштадтского порта. Спиридов получил чин вице-адмирала. Он был в то время самым выдающимся человеком в русском флоте, обладал громадным практическим опытом, знанием морей северных и южных, обладал организационными навыками, опытом руководства десантными операциями, был овеян боевой славой, пользовался авторитетом и любовью подчинённых.

Строгий и взыскательный начальник, Спиридов был добрым и отзывчивым человеком. Он любил песни и пляски моряков и солдат в досужие минуты. Его забота о служилом человеке, о пище и крове для него, его умение подойти к рядовому матросу и солдату делали его для матросов и солдат человеком понятным, близким, «своим» адмиралом.



Адмирал Г. А. Спиридов

Когда началась война с Турцией и задуман был поход в Архипелаг, естественно, начальником эскадры назначили Спиридова. Он сам вспоминал: «особливая и независимая команда над морскими... силами была вверена мне, яко состарившемуся человеку в науке мореплавания».

Спиридов, незадолго до похода получивший чин адмирала, поднял свой флаг на 66-пушечном корабле «Святой Евстафий Плакида», которым командовал обрусевший датчанин капитан Александр Иванович Круз, один из лучших капитанов русского военно-морского флота. На кораблях, предназначенных в поход, находилось почти 5 тысяч человек.

С утра 18 июля 1769 года эскадра выстроилась в Кронштадтской гавани в ожидании приказа к отправлению.

В ночь на 19 июля 1769 года эскадра вышла из гавани и направилась к форту Красная Горка. 26 июля 1769 года она выступила в дальнее плавание.

Тяжёлым было это плавание для русского флота. К таким дальним переходам ни суда, ни команда не были подготовлены и не имели опыта. Однако первые донесения Спиридова были бодрыми и радужными.

«Люди морские» — матросы кораблей — народ молодой, рослый, крепкий, набранный в морскую службу большей частью из вологжан, архангельцев, тверитян, шли в поход бодро, с верой в свои силы и общий успех. На отдельных кораблях среди матросов иногда десятки, сотни людей были односельчанами или людьми той или иной волости, стана, уезда Архангельской, Вологодской, Тверской, Олонецкой губерний. Из крестьян этих северных, озёрных и лесистых краёв, близких к Беломорью и Балтике, Ладожскому и Онежскому озёрам, особенно из поморян-рыбарей, сызмала знакомых с водной стихией, и набирали тогда по преимуществу в военно-морскую службу. Бо́льшая часть крестьян этих северных губерний были государственными крестьянами, не знавшими над собой ярма крепостного права и власти помещика-крепостника. Крепостные крестьяне тех же губерний в большинстве были оброчниками, подолгу живали в отходе, ремесленничали, промышляли разными промыслами, работали по сплаву, бурлачили; чувствовали себя более самостоятельными, уверенными в своих силах, более крепко стоящими на своих ногах. В походе в свободное время пели песни, играли в кости, по вечерам бывалые матросы

рассказывали о войнах со шведами, о Гангутском морском бое, заводили старинные песни своего родного севера.

Младшие офицеры частенько сиживали вместе с матросами. Многих из них матросы искренно и тепло любили. Душой команд своих кораблей был недавно кончивший Морской кадетский корпус краснощёкий высокий лейтенант Дмитрий Сергеевич Ильин, из тверитян, балагур и мастер шуточных, залихватских песен, и мичман Василий Гагарин, дививший своей силой, сноровистостью. Любили и уважали матросы капитанов Фёдора Плещеева, Степана Хметевского, Федота Клокачёва, Михайлу Коняева. Простые, честные и храбрые русские люди, они были близки матросам.

Но скоро не до игр и песен стало команде, а для Спиридова наступили дни тяжких трудов и забот.

Уже у Гогланда подул сильный ветер. На флагманском корабле «Евстафий» сломало фор-стеньгу. Пришлось Спиридову перейти на другой корабль, а капитану Крузу возвращаться в Ревель менять фок-мачту. Повреждён был и другой корабль, «Святослав»,— самый большой 84-пушечный корабль эскадры Спиридова. Его отправили чиниться в Ревель. Сократившаяся в числе боевых единиц эскадра к концу августа добралась до Копенгагена. Там поджидали Спиридова новые русские корабли, пришедшие из Архангельска. Один из них, названный «Ростиславом», адмирал включил в свою эскадру. Подошёл и «Евстафий» из Ревеля. Но «Святослава» всё ещё не было: он сильно отстал.

Ещё не покинули Балтики, а от Екатерины стали уже поступать настоятельные требования поспешить с походом и преодолеть все препятствия, какие бы ни встретились на пути следования. Узнав о несчастье со «Святославом», Екатерина направила Спиридову указ, предлагавший в случае повреждения кораблей немедленно взамен выбывших приобрести другие подходящие корабли, срочно перегружать на них груз, переводить команды и плыть вперёд без промедления.

Из Копенгагена эскадра Спиридова отправилась 9 сентября дальше. Но в Категате некоторые корабли получили новые повреждения, при этом потеряны были два палубных бота, две шлюпки, а на Скагенском рифе — один пинк. Осеннее плавание при резких ветрах не могло не вызвать заболеваний и даже смертных случаев среди участников похода. Число больных уже в Копенгагене достигло 300, а умерших — 60 человек. Когда же пришли в Англию, то число заболевших достигло 700 человек.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

До конца октября суда эскадры Спиридова простояли в английских портах, затем небольшими отрядами и в одиночку направились по приказу адмирала в Средиземное море, к сборному месту — Порт-Магону на острове Минорка. Многие суда плыли имея крупные повреждения. Корабль Спиридова первым прошёл Гибралтарский пролив и вошёл в Средиземное море. В середине ноября он бросил якорь в Порт-Магоне. Вслед за кораблём Спиридова и другие корабли благополучно вошли в Средиземное море и стали подтягиваться к Минорке. Трудный, большой этап был пройдён; в тяжёлых условиях русский флот освоил новый для него путь вокруг всей Юго-Западной Европы. Люди многому научились, закалились в борьбе со стихией.

Узнав о том, что эскадра прибыла в Порт-Магон, Екатерина писала Орлову: «О том только жалею, что они так долго замешкались... Ничто на свете нашему флоту столько добра не сделает, как сей поход, всё закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем круглёхонько обточен».

В начале января 1770 года Спиридов отправил в Ливорно к Орлову небольшой отряд судов: корабль «Три иерарха», фрегат «Надежда благополучия» и пакетбот «Почтальон». Буря разлучила и разметала их на пути к берегам Италии. Только в начале февраля они собрались в Ливорнском порту.

Между тем Спиридов с остальными кораблями покинул Порт-Магон. 17 февраля он прибыл к полуострову Майне в Морее, где и бросил якоря в Порт-Витула. На Спиридова возложена была задача доставить к берегам Мореи десантные войска, высадить их и поддержать силами флота. Руководство действиями десанта и организацию повстанческих сил из местного населения Орлов поручил своему брату Фёдору, человеку ещё очень молодому, храброму, но малорассудительному.

Прибывшие суда с русскими солдатами и моряками местные жители полуострова Мореи, греки, встретили восторженно. Они увидели в русских солдатах и моряках первый отряд большой армии, которая должна была освободить их от векового иноземного и иноверного ига.

Фёдор Орлов начал действовать по плану, указанному ему братом. План этот состоял в захвате всех турецких крепостей в Морее: Мизитры (Спарта) и Триполицы — в центре Мореи, Наполи-ди-Романия — на востоке, Короны и Модоны — на юго-западном берегу Мореи, и самой важной приморской крепости и порта — Наварин. Крепости эти Алексей

Орлов думал быстро занять, пока главные турецкие силы будут отвлечены действиями русской армии на Дунае. Заняв крепости, следовало создать регулярное греческое войско и правительство. Но то обстоятельство, что русский флот пришёл гораздо позже, чем Орлов рассчитывал, спутало его замыслы. Турки успели за это время перебросить войсковые пополнения в крепости, новые подкрепления приближались к Морее сушей, а к Наварину намеревалась двинуться соединённая турецкая эскадра.

Высадив небольшой десант на Майне, Фёдор Орлов с майором князем П. П. Долгоруковым приступил к созданию местной армии. Учредили из примкнувших к русским силам повстанцев—майнотов (жителей Мореи), албанцев и славян — два легиона: Восточный и Западный. Желающих вступить в легионы было много; в ближайшие же дни до 6 тысяч человек изъявили своё желание сражаться против турок. Но это были совершенно необученные люди, никогда не служившие в регулярных войсках, не привыкшие к дисциплине и организации. Крайне затрудняло управление и команду ещё и незнание русскими начальниками греческого языка.

Начальство над Восточным легионом Фёдор Орлов вручил армейскому капитану Баркову, над Западным, или Спартанским, легионом — майору князю Долгорукову.

23 февраля Барков прибыл в местечко Пассаво, назначенное сборным пунктом для его легионеров. Собралось до тысячи майнотов. С Барковым было 12 солдат и один унтер-офицер. Выступили в поход к крепости Мизитре, древней Спарте. Турецкое население из деревень, через которые проходила дорога легиона, бежало в горы. Подошли к Мизитре. Трёхтысячный отряд турок, стоявший под крепостью, вынужден был отступить и укрыться в ней. Попытка легионеров приступом овладеть Мизитрой не удалась. Тогда обложили крепость, перерезали водопровод, подводивший в неё воду из горного ключа. Гарнизон согласился сложить оружие к ногам победителей, но просил даровать ему свободу. Барков согласился на это условие, и турки открыли крепостные ворота. Вид безоружных врагов ослепил греческих легионеров, рассвирепевшие майноты бросились на сдавшихся. Барков и русские солдаты принуждены были пустить в ход оружие, чтобы прекратить резню безоружных врагов.

После взятия Мизитры легион Баркова вырос до 8 тысяч человек. Он пополнился посланными с кораблей ещё

26 солдатами с двумя небольшими пушками. После того как взяты были укреплённые местечки Леонтари, Бердони, легион направился к крепости Триполице, в которой засел почти шеститысячный гарнизон. Легионеры послали предложение сдаться, но ответа не получили. Тогда они вступили в городское предместье, казавшееся покинутым жителями. Вдруг со всех сторон напали турки; воинственно дикие крики их потрясали воздух. Майноты побросали оружие и бежали, оставив горстку русских солдат посреди тысяч врагов. Русских было три офицера, два унтер-офицера и 38 рядовых. Вся надежда оставалась на штыки. Построились в каре, ощетинились штыками на все четыре стороны и пошли, пробивая себе путь к узенькому проходу через горы, окружающие долину, где стояла Триполица. Многие получили тяжёлые раны и не могли дальше итти, товарищи несли их; один унтер-офицер, шесть солдат и четыре бомбардира были убиты. Бросили пушки, так как некому было их тащить. С лошади упал с пробитым плечом Барков; придя в себя, он приказал сорвать знамя с древка и опоясать себя знаменем. Новый удар в грудь сразил Баркова. Между тем враги всё больше наседали, лезли на штыки. От всего отряда спаслись состоявший при Баркове переводчиком грек лейтенант Антоний Псаро, один унтер-офицер и два мушкетёра. Израненные, истекая кровью, добрались они до горного прохода, неся на руках раненого Баркова, и едва-едва добрели до своих кораблей.

Так неудачно закончились действия Восточного легиона.

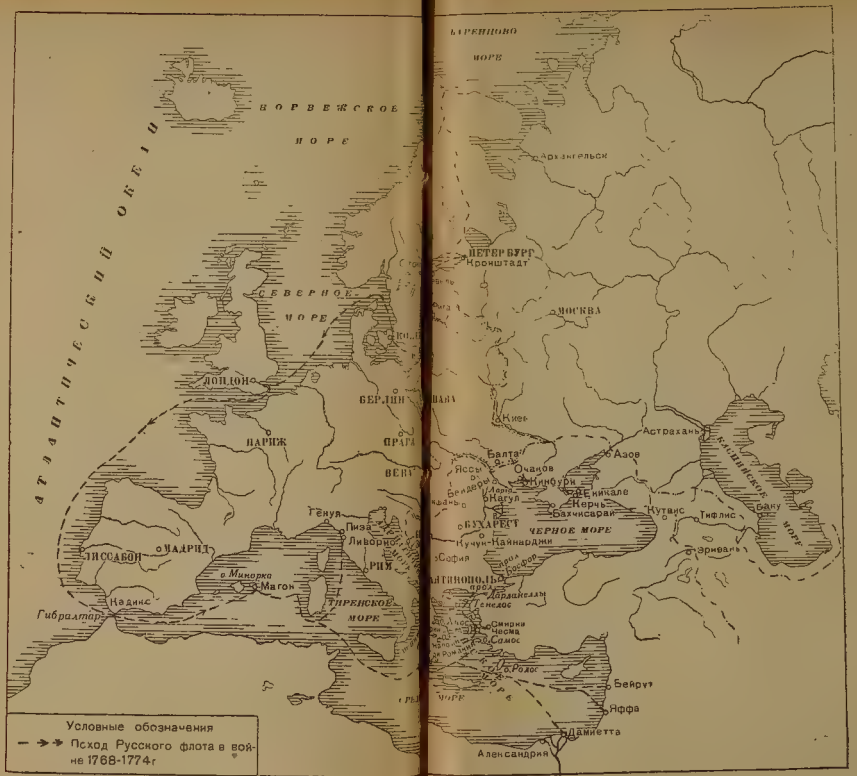
Западный легион майора Долгорукова вначале действовал успешно, занял почти всю Аркадию и направился к Наварину. В те же дни пришла в Наваринскую бухту и эскадра Спиридова. Она высадила десант под командованием бригадира артиллерии И. А. Ганнибала, сына известного «арапа Петра Великого» и деда великого русского поэта А. С. Пушкина. 4 апреля открыли пальбу по Наварину из всех орудий и сделали несколько пробоин в крепостных стенах. Комендант крепости, не дожидаясь приступа, сдал 12 апреля Наварин. В крепости взяли 42 пушки, 3 мортиры, 800 пудов пороха и много разных снарядов. Через два дня после взятия Наварина приехал Алексей Орлов. Следуя указаниям Екатерины о том, что желательно было бы приобрести «порт на тамошнем море», Орлов решил превратить Наварин в базу для своего флота.

Взятие Наварина было крупным успехом. Однако наличные силы и средства для сколько-нибудь обширных и дли-

тельных военных действий на юге Балканского полуострова, для ведения серьёзной, упорной войны против турок были недостаточны. Недисциплинированность греков, отсутствие у них навыков действий большими организованными войсковыми частями, неумение действовать сообща мешали быстрой и прочной победе над турками. В письме своём к Екатерине II Орлов писал: «Кроме крепостей и больших городов — Триполицы, Коринфа, Патраса, хотя вся Морея и очищена от турок, но силы мои так слабы, что я не надеюсь не только завладеть всею, но и удержать завоёванные места. Робость греков и майнотов лишает меня совсем надежды, а беспорядок, происходящий от неразумения языка, ещё более меня в том утверждает. Лучше из всего, что мне можно будет сделать,—укрепить себя сухим путём и морем; зажечь огонь во всех местах, как в Морее; пресечь весь подвоз провианта в Царьград и делать нападения морскою силою».

Чтобы обезопасить себя от всякого рода неожиданных нападений и упрочиться основательнее в Наварине, нужно было овладеть турецкой крепостью Модона. С этой целью был составлен отряд из 500 солдат разных команд, 800 греков-повстанцев, 100 албанцев и славонов, к отряду придали 6 пушек. Командование отрядом вручили генерал-майору князю Юрию Долгорукову. 18 апреля отряд Долгорукова пошёл в поход на Модону. В помощь ему с моря отправились из Наварина корабль «Три иерарха» и фрегаты «Надежда благополучия» и «Святой Николай». Начали осаду крепости; на третий день ядрами пробили большую брешь в крепостной стене и приготовились к штурму. Но неожиданно в тыл осаждавшим Модону русско-греческим силам стремительно ударил скрытно подошедший из Триполицы двухтысячный отряд янычар — отборных турецких войск. Гарнизон Модоны отворил ворота крепости и со своей стороны атаковал отряд Долгорукова. Повторилось то, что произошло с легионом Баркова. Греки, не привыкшие к ведению открытых боёв с турками, тем более с янычарами, бежали. Оставшийся небольшой отряд русских штыками пробился к кораблям и вернулся в Наварин, понеся при этом большой урон — 150 убитыми и до 250 человек ранеными.

Скоро поступило известие, что соединённый большой турецкий флот плывёт к Наваринской бухте, чтобы блокировать её и запереть в ней русский флот. В такой обстановке Наварин грозил превратиться в западню для русских сил.



БАРЕНЦОВО МОРЕ
НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
Архангельск
ПЕТЕРБУРГ
Кронштадт
МОСКВА
ЛОНДОН
БЕРЛИН
ПАРИЖ
ПРАГА
Киев
Астрахань
Балта
Азов
Яссы
Очаков
Кинбурн
Бендеры
Лерна
Кагул
Еникале
Керчь
Бахчисарай
Кутаис
Тифлис
Баку
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
БУХАРЕСТ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Кучук-Кайнарджи
Эривань
Генуя
Пиза
Ливорно
РИМ
ЛИССАБОН
МАДРИД
о. Минорка
Магон
Кадикс
Гибралтар
ТИРЕНСКОЕ МОРЕ
Дарданеллы
Генелос
Смирна
Чесма
о. Самос
о. Родос
Бейрут
Яффа
Дамиетта
Александрия
Условные обозначения
Псход Русского флота в войне 1768-1774 г

Создавшаяся на театре борьбы обстановка показала Орлову, что до тех пор, пока турецкий флот будет располагать возможностью свободно перебрасывать свои подкрепления в места, где происходят военные операции против турецких крепостей и сухопутных сил, рассчитывать на успех при слабости своих десантных войск и неподготовленности греков невозможно. Поэтому, по совету Спиридова и капитана Грейга, англичанина на русской службе, им было принято решение перенести центр тяжести борьбы на море, уничтожить или ослабить турецкий флот и, получив преобладание на море, возобновить действия на суше. В начале второй половины мая русские войска и греки, оставшиеся верными своим союзникам-освободителям, погрузились на суда, куда свезли свои и взятые из турецких крепостей орудия. Затем Орлов приказал взорвать и разрушить Наваринскую крепость и вышел в открытое море.

3

Чесменский бой

В мае 1770 года из Балтики прибыла вторая эскадра под командованием принятого на русскую службу контр-адмирала англичанина Джона Эльфинстона. Эскадра Эльфинстона состояла из 3 линейных кораблей, 2 фрегатов и 3 других судов; на ней было до 3 250 человек. Перед его эскадрой поставлена была задача «воспрепятствовать и пресекать весь подвоз хлебного пропитания в Царьград из Египта и других турецких мест, как и всю собственную турецкую и под турецким флагом производимую навигацию и морскую торговлю». Кроме того, эскадра имела своим назначением блокаду Дарданелл и побережья и доставку десанта для операций в Морее.

Человек храбрый, но крайне честолюбивый и заносчивый, Эльфинстон не смог установить деловых отношений ни с Орловым, ни со Спиридовым. Относясь свысока ко всему русскому, Эльфинстон, не зная обстановки на суше и действуя самостоятельно, высадил десант в Колокифской бухте, а сам со своей эскадрой отправился крейсировать в поисках турецкого флота. Высаженному десанту грозила встреча

с превосходящими силами турок. Узнав о высадке, Спиридов во-время прибыл в бухту и принял десант на свои корабли, чем только этот десант и был спасён от неминуемой гибели.

Эскадра Эльфинстона тем временем вела перестрелку с турецким военным флотом близ острова Специи и в Навплийском заливе под стенами крепости Наполи-ди-Романия. Если бы турецкий флот напал на небольшую эскадру Эльфинстона, она неминуемо погибла бы. Только нерешительность турецкого командования, не подозревавшего, что эскадра представляет собой небольшую силу, и спасла Эльфинстона от неизбежного поражения. Ничего не добившись в этих столкновениях, Эльфинстон вернулся назад и присоединился к судам большой эскадры Спиридова. Однако подчиняться Спиридову он не желал. Разногласия командующих эскадрами могли привести к срыву намеченного Орловым плана борьбы на море и уничтожения флота противника. Поэтому прибывший в эскадру Орлов тут же принял соответствующее решение: он объявил себя главным начальником обеих эскадр, объединив их под своей властью, и в 2 часа дня 11 июня поднял на корабле «Три иерарха» флаг главнокомандующего (кайзер-флаг) в знак того, что он принял на себя всю полноту ответственности за действия флота. Единоначалие было им твёрдо установлено. Объединив обе эскадры под своим начальством, Орлов приступил к действиям на море, стремясь к решительным столкновениям с флотом противника.

После принятия Орловым на себя главного командования перед соединённой русской эскадрой стала стратегическая задача. Она состояла в том, чтобы не допустить турецкий флот ускользнуть через Дарданельский пролив в Мраморное море и, нагнав его, заставить принять генеральное сражение, в котором и постараться уничтожить главные морские силы противника. Это повело бы к полному господству русского флота в Архипелаге и освобождению населённых греками островов Архипелага от турецкой зависимости. Кроме того, это дало бы возможность создать на островах опорные базы для дальнейших действий русского флота, блокировать южные морские пути к Стамбулу и этим нарушить всю торговлю между странами Западной Европы и Турцией, а также между отдельными частями Турецкой империи.

Присоединившиеся к русскому флоту суда греческих повстанцев, командиры которых (Панаиоти Алексиано, Антоний Алексиано, Паликутти, Ризо и др.) хорошо знали воды Ар-

хипелага, рассеялись в поисках турецкого флота. С помощью их установили, что неприятельский флот пошёл на-север от острова Пароса. Русские корабли направились к северу, следуя вдоль малоазиатского побережья. Они намеревались, в случае если в пути не удастся обнаружить вражеский флот, подойдя к острову Тенедосу и крейсируя там, начать блокаду Дарданелл.

От разведки получены были сведения, что в Архипелаге находится только часть турецкого флота, но что в скором времени из Константинополя должно притти сильное подкрепление. Исходя из этого, Орлов спешил обнаружить турецкий флот, чтобы разбить его по частям до того, как он соединится с подходящими из Константинополя судами.

Одно из греческих судов привезло известие о том, что весь турецкий флот находится между островом Хиос и малоазиатским берегом. Узнав об этом, русский флот взял курс на остров Хиос. Показавшаяся вдалеке турецкая гребная галера, державшая путь к Хиосскому проливу, делала вполне вероятным сообщение греческого судна о пребывании там всего турецкого флота.

Тогда Орлов отрядил капитана Грейга на 66-пушечном корабле «Ростислав» с двумя небольшими фрегатами вперёд для разведки. В 4 часа пополудни 23 июня этот передовой отряд увидел весь турецкий флот в проливе между островом Хиос и побережьем Малой Азии.

Отряд Грейга вернулся к русской эскадре. Орлов, получив сведения, привезённые Грейгом, решил на утро атаковать врага.

Русские моряки охвачены были единым порывом к быстрому и сильному удару, волей к победе. Это служило залогом успеха. Правда, численное превосходство было на стороне турок. Но русские моряки знали, что не числом, а умением воюют и побеждают. Русские корабли хотя и уступали турецким в количестве, но зато были хорошо вооружены и снабжены. В русской эскадре было 9 линейных кораблей, все одного ранга, 66-пушечные, кроме одного, 72-пушечного «Святослава», одно бомбардирское судно, несколько фрегатов и разные мелкие суда. Встав в линию, корабли имели бы с одного борта около 300 орудий. Противник располагал более чем двойным превосходством в силе. У турок имелось 16 больших линейных кораблей и 4 больших фрегата. Кроме этих 20 больших боевых единиц здесь же находилась целая флотилия, до 50 судов мелких галерных и транспортных. Из

16 линейных турецких кораблей шесть были 90- и 80-пушечные, десять — 60- и 70-пушечные. Один борт вражеской эскадры мог встретить русские 300 пушек огнём из своих почти 700 орудий.

«Увидя оное сооружение,— доносил Орлов Екатерине,— ужаснулся я и был в неведении, что мне предпринять должно; но храбрость войск... рвение всех... принудили меня решиться и, несмотря на превосходные силы, отважиться атаковать, пасть или истребить неприятеля». Важнейшим преимуществом турецкого флота была, наконец, и обстановка, в которой предстояло разыграться морским операциям: турецкий флот действовал в знакомых ему водах, опираясь на свои береговые крепости, всегда имея возможность зайти в любой ближайший порт. Русскому флоту предстояло действовать в водах, до того совсем незнакомых, без базы, далеко от родных берегов, возлагая всю надежду только на свои силы.

Неприятельская армада как ни старалась избежать русского флота, но должна была принять решительный бой. Её слабые стороны не укрылись от наблюдения русских моряков. Капитан 1-го ранга Степан Петрович Хметевский, командовавший кораблём «Три святителя», оставил любопытнейший дневник похода. В нём он так описывал вражеский флот:

«Турецкие корабли на ходу весьма легки, кормы имеют высокие, украшены резьбой и хорошими красками и золотом, внутри же кораблей чистоты не имеют и около себя неопрятны. Артиллерия неисправна, имеет многие недостатки, палят не часто и не горизонтально и больше бьют по стеньгам, нежели в корпус корабля».

Во главе турецкого флота стоял опытный старый капитан-паша (адмирал) Хассан-Эддин. Ближайшим помощником его был прославленный алжирский моряк Джейзармо Хассан-бей, известный своей храбростью.

Под прикрытием ночи русские моряки готовили свои корабли к предстоящему сражению. В 4 часа утра 24 июня 1770 года Орлов дал сигнал «приготовиться к бою». Корабли Спиридова и Эльфинстона повторили этот сигнал.

Стройно и грозно русский флот двинулся за кораблём Орлова и вошёл в Хиосский пролив. Около 9 часов утра он находился в трёх милях от противника. Последовал новый сигнал на «Трёх иерархах»: «Построить линию баталии».

Турецкий флот стоял на якоре перед Чесменской бухтой, построенный в две линии выпуклой дугой, обращённой к

югу; носы кораблей повёрнуты были к востоку, к правому флангу.

Против него для атаки русские суда построились в свою очередь в линию баталии. Впереди шли, составляя авангард, три корабля: «Европа» во главе со смелым капитаном Федотом Алексеевичем Клокачёвым, ставшим позже вице-адмиралом, «Святой Евстафий Плакида»—с капитаном Александром Ивановичем Крузом под адмиральским флагом, со Спиридовым и Фёдором Орловым на борту и «Три святителя» — с капитаном Степаном Петровичем Хметевским.

Дополнял авангард 26-пушечный фрегат «Святой Николай», принадлежавший венецианскому греку Паликутти, присоединившемуся со своим судном к русскому флоту ещё у берегов Мореи. Тогда же на фрегате грека-патриота, вступившего в борьбу за освобождение своей родины, поднят был русский флаг. Командовал авангардом сам Спиридов.

Затем, составляя середину построения, или, как тогда принято было говорить, кор-де-баталию, шли следующие три корабля: «Святой Яннуарий», командиром которого был капитан Борисов, флагманский корабль «Три иерарха» под командой Грейга, на котором находился главнокомандующий всеми русскими силами на Средиземном море Алексей Орлов; третий корабль носил гордое имя древних славянских князей — «Ростислав», командовал им боевой капитан Василий Лупандин. Кроме того, в состав кор-де-баталии входило бомбардирское судно «Гром», которым командовал И. А. Ганнибал, и ещё два небольших судна — «Почтальон» и «Орлов».

Построение завершалось арьергардом, в состав которого входили корабли: «Святослав», «Не тронь меня» и «Саратов» под начальством Эльфинстона, который держал свой флаг на «Святославе».

В таком порядке русские суда двигались на турецкую эскадру, неподвижно стоявшую на якорях. Приказ требовал не открывать огня раньше, как подойдя на дистанцию пистолетного выстрела, т. е. почти борт о борт.

В половине одиннадцатого утра, когда солнце высоко стояло и сильно начинало припекать, предвещая знойный день, русская эскадра двигалась уже прямо на врага. Клокачёв на «Европе» направлялся к середине турецкой линии. Опытный, вдоль и поперёк избороздивший все архипелагские воды греческий лоцман старик Анастасий Марко стоял рядом с Клокачёвым и предостерегал от подводных камней. Почти вплотную за «Европой» Круз вёл свой корабль

с адмиралом на борту. Сам Спиридов, Круз, Фёдор Орлов стояли на палубе, у всех на виду, в полной форме, со всеми орденами, в кавалерских орденских лентах. В руке Спиридова сверкала шпага. Молчание нарушала музыка. На юте адмиральского корабля музыканты исполняли что-то грозное и торжественное. Григорий Андреевич знал, как поднимает дух людей музыка в бою: он приказал музыкантам «играть до последнего». Команда, стоявшая у орудий правого борта и по местам, на брасах, бодро и уверенно смотрела на своего адмирала, ожидая приказания.

За адмиральским кораблём, чуть-чуть отставая, шёл Хметевский на «Трёх святителях». При нестерпимом блеске южного солнца слабо мерцали огоньки фитилей в руках команды. «Яннуарий» и «Три иерарха» сильно отстали. «Европа» уже стала поворачивать вдоль неприятельской линии, в то время как арьергард Эльфинстона только-только начинал приближаться к месту предстоящего боя.

Было ровно половина двенадцатого, когда все три корабля авангарда подошли на расстояние трёх кабельтовых [1] к линии неприятеля. И вдруг вся турецкая армада осветилась огнями выстрелов, заволоклась дымом. Оглушительный грохот расколол воздух. Турки не выдержали молчаливого движения на них русских кораблей и открыли пальбу. Русские суда не отвечали, приближаясь на расстояние, назначенное для открытия огня.

«Только подошед на восемьдесят сажен к неприятелю, — как писал Хметевский в своём дневнике,— который давно по нас палил, начали с обеих сторон жестокую пальбу». Стреляли турки много, но скверно; ядра перелетали через русские корабли, турецкие бомбардиры всё больше целились по рангоуту и парусам, рассчитывая, что с повреждением мачт и снастей затруднено будет маневрирование кораблей и, следовательно, и сама атака. Когда почти в упор сразу три русских передовых корабля дали первый залп по врагу, ни один из орудийных зарядов зря не пропал: все легли кучно в густую шеренгу турецкого флота. После второго и третьего залпов «Европы», «Евстафия» и «Трёх святителей» огонь передних турецких кораблей стих.

Шедший головным корабль «Европа» получил сильные повреждения по рангоуту и парусам. Не имея возможности больше править кораблём, командир его Клокачёв, соблюдая курс и дистанцию, вышел из линии огня, так как в противном

---

[1] *Кабельтов* — мера длины во флоте; кабельтов = 180 метрам.

случае, потеряв ход, он нарушил бы движение остальных кораблей и сбил бы их в кучу. Не понимая, чем вызван был самовольный уход Клокачёва, одного из лучших капитанов и мужественных моряков, полагая, что он струсил, Спиридов в момент, когда «Европа» и «Евстафий» почти соприкоснулись, с негодованием крикнул Клокачёву: «Поздравляю вас матросом!» Слова эти означали, что Клокачёв будет им предан суду и разжалован в матросы, как то следовало по уставу. Позже, когда дело выяснилось, адмирал одобрил действия Клокачёва, спасшего «Европу» от гибели.

Отойдя в сторону от линии, Клокачёв направил «Европу» в обход кораблей своего авангарда, подошёл к центру и, встав позади «Ростислава», вторично вошёл в полосу огня.

Теперь головным стал адмиральский корабль «Евстафий». Он почти вплотную подошёл к громадному 84-пушечному турецкому передовому кораблю «Реал-Мустафа», бывшему под командованием Гассан-паши, и открыл яростный артиллерийский огонь, нанося врагу серьёзные повреждения и сильнейший урон в людях. Спиридов на шканцах со шпагой в руке то показывался, то исчезал в густых клубах едкого порохового дыма.

За адмиральским кораблём выступал Хметевский на «Трёх святителях»; его корабль ожесточённо бил из орудий обоих бортов. В своём дневнике Хметевский рассказывает, как он «четыре корабля от 80 до 90 пушек и большую шембеку[1] сбил один по одному, а приближась к первому от капитан-паши турецкому кораблю в расстоянии не более десяти сажен, заставил неприятеля молчать, так что многие турки побросались в воду».

Но и корабль Хметевского сильно пострадал: корпус был повреждён ядрами, грот-мачта, бушприт пробиты ими; фок-мачта и бизань мачта повреждены, паруса продырявлены. Наверху, в дыму, матросы исправляли повреждения, корабль между тем двигался прямо на середину турецкой линии. Об опасности никто не помышлял. Корабль «Три святителя», удалившись в середину турецкого флота, огнём орудий обоих бортов поражал противника продольными выстрелами; более 600 выстрелов сделал корабль за время боя, несмотря на затруднительность своего положения и потери: было убито и ранено свыше 30 человек, ранены два штурмана. Сам Хметевский, закопчённый дымом, перепачканный кровью, с забинтованной головой, продолжал управлять боем. Оскол-

[1] *Шембека* — турецкое судно.

ком каменного ядра его ранило в голову, но капитан до конца боя оставался на своём посту, подавая пример мужества и выдержки.

За кораблём Хметевского вступили в бой «Яннуарий» и «Три иерарха» с главнокомандующим Алексеем Орловым и Грейгом. Корабль Грейга, войдя в гущу боя, стал на якорь и обрушил огонь своих орудий на 100-пушечный корабль турецкого капитан-паши. Палили из орудий, ружей, даже пистолетов — так близко подошли к противнику. Смятение охватило команду турецкого судна: турки обрубили якорный канат, но в замешательстве и спешке забыли, видно, о шпринге, и турецкий корабль неожиданно повернулся к «Трём иерархам» кормой и минут пятнадцать стоял так под опустошительными продольными выстрелами корабля Грейга. При таком положении ни одно турецкое орудие не могло действовать против него. Страшные разрушения без малейшего для себя вреда нанёс за эту четверть часа корабль «Три иерарха» турецкому 100-пушечному кораблю.

За «Тремя иерархами» в бой вступил «Ростислав», за ним в линию огня вторично входил Клокачёв на «Европе»; повернувший под напором шедшего позади него корабля «Яннуарий», подобно «Европе», описав дугу, опять вступил в бой рядом с «Ростиславом».

Первый час после полудня был на исходе, когда бой стал всеобщим и закипел по всей линии. Открыли огонь и корабли арьергарда, хотя с дальнего расстояния огонь их не мог быть достаточно действенным. Но «Евстафий», «Три святителя», «Три иерарха», «Яннуарий», «Ростислав», «Европа» били по врагу с близкого прицела; ни расстояние, ни дым не мешали русским канонирам наводить орудия на корпуса турецких кораблей и наносить им серьёзные опустошения.

Центр боя оказался там, где действовал адмиральский корабль «Евстафий». Он подошёл вплотную к флагманскому турецкому кораблю «Реал-Мустафа» и приготовился к абордажу; матросы, солдаты приготовили люки, сходни, изготовились взяться за холодное оружие; стрельба при этом не прекращалась; бомбы, брандскугели [1], ядра, книпели летели в корпус неприятельского корабля, палуба которого скоро покрылась убитыми и ранеными. По снастям и реям кое-кто из русских матросов, отчаянных смельчаков, перескочил на вражеский корабль, чтобы захватить его в плен. Но корабль загорелся. Смятение охватило турецкую команду; крики от-

[1] *Брандскугель* — зажигательный снаряд.

чаяния понеслись с вражеского судна. И вдруг на него, как лавина, со всех сторон устремились с криками «ура!» русские моряки и солдаты; корабли «свалились», сошлись борт о борт. Произошла короткая рукопашная схватка. Не выдержав её, многие турки, не защищаясь, бросились за борт и пустились вплавь с захваченного и воспламенившегося корабля. Русские моряки во главе с капитаном «Евстафия» Крузом пытались потушить пожар, но безуспешно. Огонь с «Реал-Мустафы» вскоре перебросился на «Евстафия». Попытка отбуксировать его от горящего неприятельского судна ни к чему не привела.

Через некоторое время загорелся «Евстафий». Когда все попытки потушить пожар на «Евстафии» оказались тщетными и выяснилось угрожающее положение его, Спиридов, согласно уставу, перенёс свой флаг на корабль «Три святителя» [1]. Вместе с ним отъехали Фёдор Орлов и штаб. Верный своему долгу, капитан Круз оставался на корабле со своей командой до самого конца.

Вскоре огромная грот-мачта турецкого корабля, объятая пламенем, с треском рухнула поперёк палубы «Евстафия».

Головни, горящие щепки осыпали «Евстафия». Бушующее море пламени разлилось кругом; искра попала в крюйт-камеру корабля, произошёл взрыв, и «Евстафий» мгновенно взлетел на воздух. Горящие доски, балки, рваные снасти, лафеты, люди и трупы людей с силой обрушились на близстоящие корабли. Чуть было не вспыхнул пожар на «Трёх иерархах», где усилиями Грейга опасность отвратили. Со всех сторон к месту взрыва «Евстафия» мчались русские лодки. Они были посланы Орловым, чтобы отвести корабль от горящего «Реал-Мустафы», но теперь им предстояло другое дело: нужно было спасать людей, силой взрыва поднятых и брошенных в море. Кое-кто держался на обломках. Но спасти удалось немногих. Среди подобранных был раненый капитан «Евстафия» Круз.

Ещё несколько минут после взрыва «Евстафия» сцепившийся с ним «Реал-Мустафа» продолжал гореть, пока огонь не добрался до крюйт-камеры. Грохот нового взрыва потряс

---

[1] Устав морской требовал, чтобы командующий флотом (флагман), чей корабль в бою вынужден выйти из строя или подвергается опасности быть уничтоженным, заблаговременно перешёл (перенёс свой флаг) на другой корабль, чтобы не лишить свой флот или соединение боевого руководства.

воздух. Горящие обломки и искры вновь засыпали турецкие корабли.

«Во время сих огненных извержений, возвышавшихся подобно дьяволу горы Каф», как цветисто повествует об этом моменте Чесменской битвы официальный турецкий историограф, современник описываемых событий, мужество оставило турок. Их передние корабли, не выдержав натиска русских, устрашённые двумя взрывами, рубили канаты якорей и беспорядочно, суетливо побежали, толкаясь и ломая друг друга, к Чесменской бухте.

Было половина второго часа пополудни. Корабль «Три иерарха» поднял сигнал общей погони, и русские корабли, тесня отступавшего врага, преследовали его до самого входа в бухту Чесмы. Выстрелы стали реже, пальба затихала.

К двум часам дня сражение окончилось. Русская эскадра блокировала вход в бухту, где столпились вражеские корабли.

Первая часть Чесменской операции была завершена.

В пятом часу дня на корабле «Три иерарха» Орлов собрал совет флагманов и командиров.

«Легко мне было предвидеть,—говорил Спиридов,—по знанию моему морского искусства, что сие их убежище будет и гроб их» (т. е. Чесменская бухта станет местом гибели турецкого флота.— *С. Д.)*. На совете решено было сжечь турецкий флот.

«И тако, не мешкая нимало, согласясь с графом Алексеем Григорьевичем, так и с другими флагманами, с которыми со всеми я всегда согласно действовал, дал диспозицию для сожжения всего турецкого флота»,— вспоминал Спиридов.

«Наше дело,—писал Алексей Орлов в приказе от 25 июня,—должно быть решительное, чтобы флот оный победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы к дальнейшим победам иметь свободные руки, и для того, по общему совету, положено и определяется к наступающей ныне ночи приготовиться, а около полуночи и приступить к точному исполнению».

Бомбардирское судно «Гром» ещё с вечера 24 июня начало обстрел турецкого флота, укрывшегося в Чесменской бухте. Стреляло оно преимущественно брандскугелями. Ганнибалу поручили приготовить четыре брандера, которые загрузили доотказа всяким горючим материалом. Вести брандеры в бухту на турецкий флот вызвались четверо добровольцев: лейтенант Дмитрий Сергеевич Ильин, мичман Василий Гагарин и двое англичан русской службы—капитан-

лейтенанты Дугдаль и Мекензи. На опасное, смелое дело на брандеры вызвались добровольцы и из матросов. На брандер к Ильину, любимцу матросов, от охотников не было отбоя. Он отобрал на свой брандер лихую команду. Целый день команды свозили на брандеры разный горючий материал. Ганнибал распоряжался снаряжением всех брандеров. Ильин, Гагарин, Дугдаль, Мекензи со своими матросами трудились с сознанием большой ответственности за взятое на себя дело. К ночи с 25 на 26 июня брандеры были приготовлены.

Кроме брандеров в предстоящей атаке должны были участвовать четыре линейных корабля (в числе их «Европа»), два фрегата и бомбардирское судно «Гром» под общим командованием Грейга. Задача этого отряда заключалась в том, чтобы поддержать атаку брандеров. К 12 часам ночи всё должно было быть готово. Но ещё за полчаса до этого Спиридов в рупор приказал Клокачёву тотчас сниматься с якоря. «Европа» направилась, чтобы занять место, указанное ей диспозицией. Подойдя сажен на двести к турецкому флоту, Клокачёв открыл огонь ядрами и брандскугелями по центру противника. Бомбардирский корабль Ганнибала последовал его примеру. Турецкие корабли стали отвечать. Остальные русские суда немного отстали, и турки весь свой огонь сосредоточили на одном только корабле «Европа».

На исходе первого часа на линию рядом с «Европой» стал «Ростислав», за ним место заняли брандеры. Изготовились к стрельбе. Но не успели её начать, как заметили, что один из зажигательных снарядов, пущенных с «Европы» или «Грома», зажёг большой турецкий корабль в середине передней линии, и пламя вскоре стало передаваться на другие корабли, близко стоявшие сзади. Тревога охватила противника. Пламя горящих кораблей осветило центральный участок бухты и тем создало благоприятные условия для ориентировки брандеров во время атаки. Этим воспользовался Грейг, приказав брандерам итти атаковать противника. Поставив все паруса, они направились прямо в толщу турецких судов, но из-за маловетрия принуждены были двигаться медленно. Из четырёх брандеров выполнили свою задачу только два. Брандеры Дугдаля и Мекензи под сильным огнём противника не смогли дойти до его кораблей, брандер Гагарина «свалился» с уже горящим кораблём и только брандер Ильина полностью достиг цели. Матросы этого брандера во главе с храбрым и отважным командиром своим Ильиным спокойно, точно на учении, сцепились с громадным турецким кораблём

Чесменский бой.

и зажгли свой брандер. Запылал ещё один турецкий корабль.

Вскоре раздались почти одновременно два сильнейших взрыва: два ранее пылавших турецких линейных корабля взорвались. Через полчаса воздух потрясли третий, четвёртый и пятый взрывы: то ещё три турецких корабля взлетели на воздух; их днища продолжали пылать на воде. Теперь все русские корабли вели ожесточённый огонь. Турки отвечали, но слабей и слабей...

В короткое время огонь охватил всю эскадру противника— разом горело до 40 судов.

Исполинское зарево встало над бухтой. Взрывы следовали один за другим: взорвались шестой, седьмой, восьмой линейные корабли. Вся бухта превратилась в огненный котёл. Тысячи трупов покрыли поверхность воды.

Взрывы продолжались: в начале шестого часа взорвались ещё два линейных корабля противника, немного позже — ещё один. И наконец, в седьмом часу взлетели на воздух последние четыре линейных турецких корабля.

Только в девятом часу кончились взрывы прочих судов. Грохот был так силен, что его слышали в Смирне, отстоящей на несколько десятков вёрст от Чесмы.

Всего было сожжено и взорвано 15 линейных кораблей, 6 фрегатов, 6 корветов, или шебек, и 40 других военных и транспортных судов, т. е. около 70 неприятельских кораблей. Взяты были в плен крупный 66-пушечный вражеский корабль «Родос» и 6 галер. Высаженный на берег русский десант захватил на прибрежных батареях Чесмы 22 пушки.

Турецкий флот в битве при Чесме был уничтожен. Это была величайшая победа русского флота в Средиземном море.

Торжеством, гордостью за русских людей и русское оружие проникнуты письма и донесения о Чесменской победе, отправленные на родину Спиридовым и Алексеем Орловым.

«Слава господу богу и честь Всероссийскому флоту! — писал Спиридов президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышёву.— С 25 на 26 июня неприятельский военный турецкий флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили... а сами стали быть во всём Архипелаге... господствующи».

В письме к вице-канцлеру князю Голицыну Орлов писал: «Превосходные его (противника.—*С. Д.)* силы не устраши-

ли храбрых Россиян, кои все с великою радостью желали на неприятеля сделать нападение; почему, не медля нимало, того числа (24 июня.—*С. Д.)* в полдень атаковали, разбили и прогнали в порт под крепость Чесма. Не удовольствовавшись сим, 25 числа, в полночь, атакован был неприятель вторично и совсем разбит. Победы совершеннее быть не может. Из шестнадцати неприятельских линейных кораблей, шести фрегатов, множества шебек, бригантинов, полугалер и других малых судов не осталось ничего, кроме печальных следов сего вооружения: все без остатка потоплены, переломаны и сожжены.

Мы потеряли один 60-пушечный корабль, на которого место взяли мы турецкий равной же величины и получили множество полугалер.

О сем сообщая, поздравляю, ваше сиятельство, сею славною над неприятелем победою».

В конце письма Орлов приписал: «Натко, что наши аржанушки чудесят!» — т. е. какие чудеса совершают простые русские люди.

В битве под Чесмой отважные сыны русского народа перед всем миром утвердили силу русского оружия, доказали, что Россия грозна врагам своим на море не менее, чем на суше. Победа под Чесмой ознаменовала возрождение русского военно-морского флота.

«Весь свет отдаёт вам справедливость,— писала Екатерина II Орлову после победы под Чесмой,— что сия победа приобрела вам отменную славу и честь. Лаврами покрыты вы, лаврами покрыта и вся находящаяся при вас эскадра».

Россия могла торжествовать: нанесено было крупнейшее поражение неприятелю, его морская сила сокрушена. Флот оправдал себя, и с его помощью Россия вновь победоносно вступала в среду других военно-морских европейских держав.

Петербургский двор решил особенно торжественно отметить Чесменскую победу. Празднованию придавали важное политическое значение. Пять дней, с 15 по 19 сентября, длились торжества.

Чесменскую победу и её героев — Спиридова, Орлова, Грейга, Ильина — прославляли лучшие русские поэты: Г. Р. Державин, В. И. Майков, М. М. Херасков; восторженно повествовал о Чесме великий французский писатель Вольтер. В театрах шли спектакли, посвящённые славной морской победе. В Морском кадетском корпусе поставили сложный и пышный балет на тему Чесменского боя.

Бронзовая медаль в память Чесменской победы

В память Чесменской победы Адмиралтейств-коллегия отчеканила бронзовую медаль, на одной стороне которой изображён был Алексей Орлов, «победитель и истребитель турецкого флота», на другой—план Чесменского сражения со словами: «И бысть России радость и веселие. Чесма июня 24 и 26 1770». Императорский фарфоровый завод создал прекрасные декоративные вазы высотою свыше аршина; гирлянды лавров и львиные головы с лавровыми ветвями в пасти окружали медальоны, изображавшие вид Чесменской битвы и портрет Алексея Орлова.

Герои и все участники Чесменского боя получили награды и пожалования: Алексей Орлов — чин генерал-аншефа, высший военный орден Георгия 1-й степени, кайзер-флаг с правом подымать его во время пребывания на флоте (пожизненно) и внесения его изображения в свой герб и прибавление к фамилии наименования «Чесменский»; Спиридов —

Бронзовая медаль в память Чесменской победы

орден Андрея Первозванного; Ильин, Мекензи, Фёдор Орлов, Грейг, Хметевский, Клокачёв, Круз и другие — ордена Георгия 2-й, 3-й и 4-й степеней. Учреждена была особая серебряная медаль для ношения на голубой ленте в петлице. Медаль изображала атаку русскими кораблями турецкой эскадры и сожжение турецких судов. Лаконичная надпись сообщала о судьбе турецкого флота: «Был». Пониже пояснение: «Чесма 1770 года июня 24 дня». Медалью были награждены все морские и сухопутные чины, участвовавшие в Чесменском бою. Экипажам кораблей, бывших в бою, выдано было 200 тысяч рублей.

Русский военно-морской флот пополнился новыми судами: в 1770 г.— кораблём «Память Евстафия», в честь славно погибшего «Евстафия Плакиды», а в 1771 г.— кораблём, названным «Чесма».

Были выпущены в свет многочисленные описания победы

при Чесме, изображения и планы боя, гравюры с портретами его героев, в первую очередь Алексея Орлова. Ещё в Ливорно Орлов заказал известному тогда художнику-баталисту Гекерту четыре большие картины о Чесменском бое. Художник Патон написал громадные полотна с изображением Чесменской победы. Затем в России выпущены были гравюры: «Вид Чесменской гавани с изображением сожжения Оттоманского флота эскадрой Российской под предводительством графа А. Г. Орлова в ночи на 26 июня 1770 года»; «Истребление Оттоманского флота Российской эскадрой в ночи на 26 июня 1770 года»; «Изображение одержанной Российским флотом победы над турецким... 24 июня (5 июля) 1770 года» и другие.

Газеты и журналы русские и иностранные заполнены были описанием Чесменского боя, статьями о его значении, беседами с его героями. Австрийская и французская печать отнеслась к событию недружелюбно. Прусская пресса лицемерила, выражая «радость» по поводу русских успехов. Дружественно отозвалась на Чесменскую победу английская печать. Помимо дружественных отношений между Россией и Англией этому отчасти содействовало и пребывание в русском флоте значительного числа англичан, причём некоторые из них, например Грейг, прославились при Чесме.

Уничтожение всего турецкого флота при Чесме вызвало чрезвычайное замешательство в Турции. В ряде городов Малой Азии и Балканского полуострова вспыхнули волнения, частью направленные против греческого и славянского населения, частью выражавшие недовольство управлением султана Мустафы III. В богатой торговой Смирне, куда прибыли турецкие матросы и солдаты, спасшиеся с погибшей турецкой эскадры, толпа турок бросилась громить греков. Христиане, перепуганные яростью толпы, заперлись в своих домах; лавки закрылись, торговля прекратилась. Европейские консулы Смирны ходатайствовали перед Алексеем Орловым о том, чтобы во избежание новых кровавых столкновений населения с греками и нарушения спокойной торговли победоносный русский флот не направлял своих действий против города Смирны, «на который должно смотреть, не как на неприятельское место, а скорее, как на колонию, основанную разными нейтральными государствами».

В Константинополе султанский двор и население известиями о чесменских событиях повергнуты были в крайнее смущение. Официальный историограф Порты Оттоманской Ахмед Вассаф-эффенди писал по этому поводу: «Сие проис-

шествие, служащее полезным примером, весьма опечалило всех мусульман; особенно его высочество, наш государь был весьма расстроен и поражён чрезвычайно горем».

В тревоге Турция ожидала вторжения русских в свои пределы.

Прусский король Фридрих II, испуганный успехами России, стремится выступить посредником между Россией и Турцией, чтобы, побыстрее примирив их, не допустить усиления России и совершенного разгрома ею Оттоманской империи. Посланный им вскоре после Чесменской победы к петербургскому двору с этой целью принц Генрих Прусский уехал, не добившись никакого результата.

* * *

Чесменская победа русских моряков была одним из важнейших событий во всём ходе русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Крупные военные действия на суше начались только с весны 1769 года, когда русские войска приблизились к турецкой границе, перешли Днестр, предприняли действия против турецкой крепости Хотин, а к осени заняли Молдавию. На Крымском театре войны русские войска заняли Азов и Таганрог и окончательно закрепились на берегах Азовского моря, где стали поспешно строить Азовскую флотилию. Однако подлинно поворотным годом в развитии войны стал 1770 год. Он ознаменован был успешными наступательными действиями как военно-сухопутных, так и военно-морских сил. Русский флот первый нанёс сильнейший удар по врагу, разгромив и уничтожив турецкий флот при Чесме, облегчив тем дальнейшие действия русской армии против турок.

Блестящая Чесменская победа совпала по времени с замечательными успехами русских армий П. А. Румянцева и П. И. Панина. При Ларге и Кагуле, в низовьях Прута, в июле 1770 года, через месяц после сражения под Чесмой, Румянцев с 17 тысячами русских войск наголову разбил 150-тысячную турецкую армию. Осенью того же года Панин взял штурмом сильно укреплённую турецкую крепость Бендеры на нижнем течении Днестра. Открылся путь к низовьям Дуная. Одна за другой были взяты русскими войсками крепости на левом берегу Нижнего Дуная. Яссы и Бухарест, главные города Молдавского и Валашского княжеств, были заняты русскими армиями. В Закавказье грузинские войска Ираклия II, боровшиеся вместе с Россией за полное

освобождение Грузии от турецких поработителей, нанесли туркам в 1770 году поражение при местечке Аспиндзи.

В следующем, 1771, году русские войска заняли Крым. В Петербурге обсуждали выявившуюся готовность Турции пойти на мирные переговоры. Летом 1772 года в Фокшанах, маленьком городке на границе Молдавии и Валахии, открылся мирный конгресс. Но переговоры были прерваны, и война продолжалась. Она длилась после этого ещё два года.

Русский флот, блистательно начавший свои боевые действия на Ближнем Востоке Чесменской победой, продолжал свои операции в Архипелаге, у берегов Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта, у берегов Средиземного моря. Базой для русского флота избран был остров Парос. Население всех небольших островов средней части Архипелага приняло русское подданство. К Спиридову, который во время частых отлучек Орлова вёл все военные, хозяйственные и политические дела в Средиземноморье, из России приходили новые эскадры с пополнениями. Русские моряки в боевом содружестве со славянами и греками (Иван Войнович, Марк Войнович, Ризо, Антоний Псаро, Панаиоти Алексиано, Антоний Алексиано) одержали много побед за эти пять лет пребывания русского флота в Архипелаге. Они взяли крупнейший город в Сирии Бейрут, участвовали в осаде Яффы, совершали смелые морские налёты к устью Нила, где под стенами египетской крепости Дамиетты уничтожали турецкие суда.

Героическая борьба русских моряков в Средиземном море и в Архипелаге укрепила возрождение русского военно-морского флота.

В местечке Кучук-Кайнарджи, на южном берегу Дуная, 10 июля 1774 года подписан был мирный договор, закончивший войну России и Турции. Земли между Днепром и Бугом, Кинбурн, Керчь, Еникале, Азов отошли к России. Крым был признан Турцией независимым. Через девять лет, в 1783 году, Крым вошёл в состав России. Договором были предусмотрены интересы греческого, славянского и молдавовалашского населения. По Кучук-Кайнарджийскому миру русские торговые суда получили право плавания на Чёрном море и свободного прохода через проливы Босфор и Дарданеллы в Средиземное море.

Этими крупными успехами Россия обязана была прежде всего боевой деятельности русских моряков в Архипелаге, их героизму и отваге.

В далёких, чужеземных морях отважные русские люди,

охраняя интересы своей родины, утверждали силу и мощь её. Это они, преодолевая трудности далёкого похода, совершали подвиги, прославившие русский военно-морской флот. Славная Чесменская победа — бессмертная страница в истории русского военного флота. О победе при Чесме, одержанной 175 лет тому назад над турецким флотом, русский народ всегда будет помнить.

Советским морякам, героям обороны Ленинграда, Севастополя, Одессы,— всем советским патриотам дороги образы людей, ковавших в борьбе с врагом силу русского военно-морского флота.

В Великой отечественной войне советские моряки продолжили и обогатили боевые традиции русского флота, в борьбе с немецко-фашистскими полчищами они показали всему миру ещё невиданные доныне образцы героизма, стойкости и преданности родине. «В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза» *(Сталин)*.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

1. Причины возникновения войны 1768—1774 годов 3
2. Архипелагский поход 11
3. Чесменский бой 24

Редактор *Н. Фройнд*

Подписано к печати 28 июня 1945 г. А 17830. Объём 2¾ п. л. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 229. Цена 60 коп.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ОГИЗ•ГОСПОЛИТИЗДАТ

Вышли из печати следующие издания:

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ, Синопский бой, стр. 44, ц. 70 коп.

Р. Н. МОРДВИНОВ, Наваринский бой, стр. 32, ц. 50 коп.

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР, Из боевого прошлого русской армии, стр. 184, ц. 5 руб.

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ, Севастопольская оборона (1854—1855 гг.), стр. 52, ц. 1 руб.

В. Л. СНЕГИРЕВ, Русский флот в Средиземном море (1789—1800 гг.), стр. 32, ц. 50 коп.

А. И. КОЗАЧЕНКО, Битва под Полтавой, стр. 54, ц. 1 руб.

Ф. Е. КУЗНЕЦОВ, Брусиловский прорыв, стр. 40, ц. 70 коп.

С. Ф. НАЙДА, Адмирал Нахимов, стр. 60, ц. 1 руб.

Е. Н. ГЕРАСИМОВ, Щорс, стр. 96, ц. 1 руб.

В. ДАНИЛЕВСКИЙ, Александр Невский, стр. 20, ц. 30 коп.

В. ДАНИЛЕВСКИЙ, Димитрий Донской, стр. 24, ц. 30 коп.

В. ДАНИЛЕВСКИЙ, Кузьма Минин, стр. 24, ц. 30 коп.

В. ДАНИЛЕВСКИЙ, Димитрий Пожарский, стр. 28, ц. 30 коп.

К. В. ПИГАРЕВ, Суворов, стр. 80, ц. 75 коп.

Н. М. КОРОБКОВ, Кутузов, стр. 48, ц. 75 коп.

★

60 коп.

П 206